
18+
МОЙ ЛЮБИМЫЙ
ФИЗРУК
По мотивам сериала ksu_ai_feya
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ
18+
КСЕНИЯ ФЭЙ

Ксения Фэй

Мой любимый физрук

«Автор»
2026

Фэй К.

Мой любимый физрук / К. Фэй — «Автор», 2026

Первое правило универа: не влюбляться в преподавателей. Особенно, если это твой физрук.Строгий, требовательный, с тяжелым взглядом и железобетонным самоконтролем. Между нами пропасть из субординации и правил, но я просто не могу перестать смотреть на него. Каждое занятие в спортзале превращается в изощренную пытку: его случайные касания, когда он поправляет мне осанку, сводят с ума, а моя дерзость заставляет его сжимать челюсти от напряжения.Он выстроил глухую стену из запретов и холода, пытаясь игнорировать то, как реагирует на меня его собственное тело. Говорят, запретный плод сладок. И я готова на все, чтобы он поддался этому искушению.

© Фэй К., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Я хочу его 5
Глава 2. Не тому адресату 9
Конец ознакомительного фрагмента. 12

Ксения Фэй
Мой любимый физрук

Глава 1. Я хочу его

Вообще-то я никогда не бегаю за мужчинами.

Мне девятнадцать, и я прекрасно выучила, как это работает: стоит мне войти в аудиторию или кафе, как система координат вокруг неуловимо меняется. Я знаю, как парни делают вид, что не смотрят, хотя глаз отвести не могут. Знаю, как они реагируют на мои длинные бордово-красные волосы, на случайную улыбку, на взгляд из-под ресниц. Мне достаточно просто задержать на ком-то глаза чуть дольше положенного, чтобы получить то, что я хочу.

Моя жизнь была предсказуемой, комфортной и… до одури скучной.

Пока в ней не появился Павел Андреевич.

Ему около тридцати, и он преподает физкультуру в нашем университете. И с ним моя безотказная система дает сбой.

Я сижу на прохладной скамейке в спортивном зале и смотрю на него. Воздух пахнет резиной, пылью и эхом чужих шагов. Двадцать студентов носятся по площадке, стучат мячами, скрипят кроссовками по лакированному полу, но для меня все это — лишь фоновый шум.

Фокус — только на нем.

Короткая, почти армейская стрижка под машинку, резкая линия челюсти, упрямый подбородок. В нем нет ни капли слащавости — сплошная тяжелая, взрослая мужская уверенность. Черная спортивная олимпийка с белыми полосами на рукавах обтягивает широкие плечи, расстегнутая на груди молния открывает край черной футболки.

Он поправляет стойку одному из парней, показывая правильный бросок. Никакой суеты. Никаких лишних движений. Тяжелый, пронизывающий взгляд карих глаз направлен только на мяч.

Я сижу здесь уже сорок минут, и он — единственный мужчина в этом чертовом здании — который ни разу на меня не посмотрел. Вообще. Я для него — просто строчка в журнале посещаемости. И это сводит меня с ума.

— Если ты будешь сверлить его взглядом с такой силой, то на нем загорится футболка, — шепчет сидящая рядом Катя, отпивая воду из спортивной бутылки.

Я не отрываю глаз от центра площадки и произношу совершенно спокойно:

— Я хочу его.

Катя давится водой. Закашливается, судорожно вытирая подбородок тыльной стороной ладони.

— Ты сейчас про зачет, скажи мне? Пожалуйста, скажи, что ты про зачет.

Я плавно киваю в сторону преподавателя.

— Я про того, кто его ставит.

Катя смотрит на меня так, словно я предложила ограбить банк. Переводит взгляд на Павла Андреевича, потом снова на меня, одергивая свой черный спортивный топ.

— Алин. Ты с ума сошла? — шипит она, нервно оглядываясь.

— Это физрук. Наш. Преподаватель. С журналом, зачетом и свистком!

— Свисток мне, кстати, нравится, — пожимаю я плечами.

— Он тебя старше лет на десять!

— Значит, на десять лет опытнее. По-моему, это плюс.

Катя смотрит на меня несколько долгих секунд.

— Ты ненормальная.

— Я честная, — чуть заметно улыбаюсь я.

— Эти понятия часто путают.

Катя подается ближе ко мне.

— Ладно. Допустим. А если у него кто-то есть? У него наверняка ипотека, радикулит и жена, которая печет пироги по выходным.

Я прищуриваюсь, внимательно рассматривая его крупные, сильные кисти рук, когда он перехватывает мяч.

— Кольца нет, — констатирую я.

— Это вообще не показатель! — фыркает Катя.

— В зал кольца не носят. И вообще, почему именно он? Тебе половина университета в директ пишет.

Я накручиваю на палец бордовую прядь.

— Никто из них мне не интересен.

— А он интересен? Почему?

Я выдерживаю небольшую паузу.

— Потому что он единственный, кто делает вид, что меня здесь нет.

В этот момент Павел Андреевич заканчивает объяснять упражнение и наконец поворачивается в нашу сторону. Его взгляд безошибочно находит меня на скамейке.

Он неспешным шагом направляется к нам. У меня внутри все замирает, но я заставляю себя расслабленно откинуться на стену и закинуть ногу на ногу.

Он останавливается прямо напротив, возвышаясь надо мной, словно скала.

— Власова.

Его голос звучит ровно, без капли раздражения, но от этого низкого тембра по спине бегут мурашки.

— Доброе утро, — медленно говорю я.

— Оно было бы добрее, если бы вы пришли в форме. Третье занятие подряд вы приходите без нее.

Я невинно хлопаю ресницами, глядя на него снизу вверх.

— Забыла. Память совсем девичья. Ветреная.

Катя рядом со мной издает странный сдавленный звук и утыкается лбом в колени, пряча лицо, чтобы не рассмеяться в голос.

Павел Андреевич даже не моргает.

— Удивительно избирательная у вас память, Алина, — спокойно парирует он.

— Расписание вы помните. Дорогу к этой скамейке — тоже. Так, ну значит, сегодня снова пропуск.

Я чуть подаюсь вперед.

— А можно как-нибудь договориться? — спрашиваю я, и мой голос становится мягче, с легкой хрипотцой.

— О чем? — не понимает он.

Я улыбаюсь, глядя ему прямо в глаза.

— Ну, чтобы вы меня все-таки допустили к занятию. Я могу быть очень старательной.

— Нельзя, — отрезает он.

Его ответ звучит как выстрел. Холодно. Отрезвляюще. Но я не сдаюсь:

— Даже если очень попросить?

Он чуть наклоняет голову набок. Лицо остается непроницаемой, жесткой маской, но во взгляде на секунду вспыхивает что-то темное.

— Особенно если очень попросить, — медленно говорит он.

Воздух между нами можно резать ножом. Мне кажется, он слышит, как колотится мое сердце.

— После занятия зайдите ко мне, — бросает Павел Андреевич.

Я приподнимаю брови, изображая удивление.

— Зачем?

— Поговорим.

— Наедине? — спрашиваю я, вкладывая в это слово максимум провокации.

Он смотрит на меня совершенно спокойно. Взрослый мужчина, который прекрасно видит все мои дешевые уловки.

— О вашей форме, Алина. Не придумывайте лишнего.

Он разворачивается и уходит. Катя шумно выдыхает, словно все это время сидела под водой.

— Алина… Он тебя съест и не поперхнется.

Я провожаю его взглядом, чувствуя, как по венам растекается жгучий азарт.

— Ничего, — тихо говорю я, облизнув пересохшие губы. — Скоро сам будет бегать.

***

Пара тянется мучительно долго. Когда звучит финальный свисток, я остаюсь сидеть на месте. Студенты с шумом тянутся в раздевалки. Катя бросает на меня сочувствующий взгляд зеленых глаз и тоже испаряется.

Я жду еще пять минут, затем встаю, прохожу по гулкому коридору и нерешительно толкаю приоткрытую дверь тренерского кабинета.

Здесь тесно. Пахнет бумагой, кофе и мужским парфюмом. Павел Андреевич стоит у своего стола, перебирая какие-то журналы. Он делает это так методично, словно забыл о моем существовании.

— Вы хотели поговорить? — спрашиваю я, и мой голос в тишине кабинета звучит громче, чем я рассчитывала.

Он поднимает глаза.

— Да. Сядьте.

Он кивает на стул рядом со столом. Я сажусь, чувствуя себя первоклашкой у директора, хотя еще полчаса назад была уверена, что контролирую ситуацию.

— Власова, давайте сэкономим время, — начинает он. — Я не буду каждую пару делать вид, что не замечаю ваших опозданий и отсутствия формы. Вы намеренно провоцируете меня. Зачем?

Я смотрю на его крепкие запястья, выглядывающие из-под рукавов олимпийки. Поднимаю взгляд на его лицо и решаю сказать правду. Ну, почти.

— Может, мне просто нравится смотреть, как вы злитесь, — отвечаю я.

Павел Андреевич замирает. Журнал так и остается лежать в его руках. Он смотрит на меня с усталостью человека, у которого нет времени на детские игры.

— Я не злюсь.

Он качает головой. В этом жесте столько тяжелой мужской снисходительности, что меня это даже задевает.

— Вам заняться больше нечем? Сессия не за горами, — замечает он.

— Есть чем. Но с вами проводить время интереснее.

Он опирается руками о край стола, нависая надо мной, и произносит почти шепотом:

— Алина… Не надо.

— Чего именно? — невинно спрашиваю я.

— Вот этого.

— А что я делаю?

Я делаю вид, что не понимаю, хотя внутри всё дрожит от близости его лица.

Он выдерживает долгую паузу. Его глаза смотрят прямо в мои, изучающе, цепко. И в этот раз он не отводит взгляд первым.

— Вы прекрасно понимаете, — жестко говорит он.

Секунды растягиваются в патоку. Я понимаю, что, если сейчас начну препираться, то выдам, как меня трясет от одного его голоса.

Я медленно киваю.

— Хорошо. Больше не буду. — И, не удержавшись, добавляю: — Наверное.

И тут это происходит. Уголок его губ дергается. Лишь на долю секунды, едва заметно, но он усмехается. Настоящая, живая реакция.

— Ой, — вырывается у меня быстрее, чем я успеваю подумать. — Так вы умеете улыбаться? А я думала, у вас это по трудовому договору запрещено.

Маска невозмутимого преподавателя мгновенно возвращается на место. Он выпрямляется, увеличивая дистанцию.

— Идите домой, Алина.

Я встаю. Спина прямая, ноги ватные. Выходя из кабинета, я не оглядываюсь, но кожей чувствую, что он смотрит мне вслед.

Катя ждет меня за углом в коридоре, привалившись спиной к стене.

— Ну? Живая? Что было? — набрасывается она на меня.

— Ничего, — я пожимаю плечами, пытаясь скрыть блуждающую на губах улыбку.

— С таким лицом «ничего» не бывает. Колись. Вы поговорили? И?

— Он улыбнулся мне.

Катя закатывает глаза.

— Господи… Может, он просто обрадовался, что ты наконец уходишь!

— Возможно, — легко соглашаюсь я.

— Тогда чего ты сияешь, как новогодняя гирлянда?

Я смотрю на закрытую дверь тренерской. Внутри колотится пульс.

— Потому что он все-таки обратил на меня внимание.

В тот день я думала, что выиграла маленькую битву. Я еще не знала, что лучше бы он продолжал меня игнорировать. Потому что уже скоро я сама пожалею о том, что решила сыграть в эту игру.

Глава 2. Не тому адресату

За окном уже совсем стемнело. Моя комната на седьмом этаже тонет в вечернем полумраке — я даже не стала включать верхний свет, оставив только тусклую настольную лампу у кровати. По стеклу барабанит мелкий дождь, размывая желтые пятна уличных фонарей.

В квартире тихо. Я лежу на кровати и уже битый час пытаюсь сосредоточиться на конспектах, но строчки расплываются перед глазами.

Вместо лекций я вижу пустой спортивный зал. Слышу низкий, ровный голос. Вспоминаю, как дернулся уголок его губ, когда он все-таки не выдержал моей провокации.

Я закрываю глаза, зарываясь пальцами в волосы, и позволяю себе представить то, что нельзя. Представляю, как этот взрослый, сдержанный мужчина теряет контроль. Как он запирает дверь своей тесной тренерской на ключ, прижимает меня к столу, сметая на пол все эти дурацкие ведомости, и целует так властно и глубоко, что у меня подкашиваются ноги. Его тяжелые ладони скользят под мою футболку, обжигая кожу, а низкий голос хрипло шепчет, чтобы я вела себя тихо. Фантазия получается настолько яркой и порочной, что я невольно прикусываю губу, чувствуя, как по телу разливается тяжелый, горячий пульс, а внизу живота все сладко ноет.

Я со стоном захлопываю тетрадь. Это уже ни в какие ворота.

Экран телефона, лежащего рядом, загорается, отбрасывая холодный белый свет на мои пальцы. Пришло сообщение от Кати.

Я тянусь за мобильником, читаю короткую строчку на заблокированном экране: «Алин, ты играешь с огнем. Он вообще-то препод».

Я усмехаюсь. Катя вечно все усложняет.

Внутри все зудит от странного, колючего электричества. Мне хочется выплеснуть это напряжение, проговорить его вслух, чтобы оно перестало пульсировать в висках.

Я открываю мессенджер, зажимаю кнопку записи и подношу динамик к губам.

— Я тебе серьезно говорю, — произношу я, и мой голос в тихой комнате звучит чуть хрипло. — Я хочу физрука. Прямо хочу. И меня уже бесит, что я постоянно о нем думаю.

Отпускаю палец. Сообщение улетает вверх, отмечая отправленное аудио на двенадцать секунд.

Улыбаясь собственным мыслям, я переворачиваюсь на живот, болтаю в воздухе ногами и наконец смотрю на экран.

Улыбка застывает на губах.

Внутри все резко, болезненно обрывается вниз, словно я шагнула мимо ступеньки на темной лестнице. Кровь отливает от лица, а в ушах начинает нарастать оглушительный шум.

На самом верху экрана, прямо над моим отправленным сообщением, светится имя контакта.

Павел Андреевич.

Две галочки в углу сообщения мгновенно окрашиваются в синий. Он прочитал. Вернее — прослушал. Прямо сейчас.

— Блять — шепотом вырывается у меня в пустой комнате.

Пальцы начинают трястись. Я судорожно тыкаю в экран, пытаясь нажать «Удалить у всех», но от паники мажу по кнопкам.

«Печатает…» — появляется статус под его именем.

Меня бросает в жар, спина под домашней футболкой мгновенно становится влажной. Я быстро, с опечатками набираю: «Извините!!! Это не вам! Я ошиблась чатом!»

Отправляю. Жду, гипнотизируя экран так, будто от этого зависит моя жизнь. Мне кажется, я даже не дышу.

Ответ приходит через три секунды. Короткий. Без смайлов.

«Я понял».

С точкой в конце.

Я закрываю глаза и утыкаюсь пылающим лбом в матрас. Господи, какой позор. Он понял. Конечно, он все понял — там прямым текстом было сказано, кого я хочу. Завтра я просто заберу документы из университета. Или переведусь на другой факультет. Или умру. Третий вариант кажется самым привлекательным.

Телефон вибрирует еще раз. Я вздрагиваю, как от удара током.

Медленно, как сапер, разминирующий бомбу, переворачиваю его экраном вверх. Новое сообщение от Павла Андреевича.

«Завтра после пары зайдите ко мне».

Я смотрю на эти несколько слов, и краска, только что схлынувшая с лица, возвращается обратно, заливая щеки горячим, колючим румянцем. В животе стягивается тугой узел.

Я отбрасываю телефон на другую половину кровати, откидываюсь на спину и закрываю лицо руками.

Все. Мне конец.

Но самое страшное было даже не в этом. Самое страшное заключалось в том, что где-то глубоко внутри, под слоем сжигающего стыда, мне вдруг стало невыносимо интересно, что именно произойдет завтра после пары.

***

На следующее утро в университете я чувствую себя так, будто иду на эшафот.

В перерыве между парами мы с Катей сидим на широком подоконнике в рекреации. Студенты ходят мимо, кто-то смеется, кто-то дописывает конспекты на коленке, но я ничего этого не замечаю. Я кручу в руках телефон, глядя на черный экран потухшим взглядом.

— Ты чего с утра такая зеленая? — спрашивает Катя, болтая ногами и поправляя свое короткое каре. — Увидела призрака?

— Хуже. Я вчера совершила самую большую ошибку в своей жизни, — мрачно отвечаю я.

— Очередную? — усмехается она.

— Я отправила Павлу Андреевичу голосовое.

Катя замирает. Улыбка медленно сползает с ее лица.

— Какое голосовое? — осторожно уточняет она.

Потом ее зеленые глаза округляются.

— Подожди. Только не говори, что то самое. Двенадцать секунд чистосердечного признания?

— Да.

Катя закрывает рот ладонью, но ее плечи начинают трястись в беззвучном смехе. Через секунду она уже смеется так, что на нас оборачиваются проходящие мимо ребята с юрфака.

— Алина, ты хоть иногда проверяешь, кому пишешь?! — сквозь слезы выдавливает она.

— Очень смешно, — огрызаюсь я. — Я на твоих похоронах тоже посмеюсь.

— Что он ответил? Позвонил декану?

— Он написал: «Я понял». С точкой в конце.

Катя мгновенно перестает смеяться.

— С точкой? Это страшнее, чем мат. И все?

— Нет. Потом написал, чтобы я сегодня после пары к нему зашла.

Катя пытается успокоиться, вытирая выступившие слезы.

— Ну все. Ты труп. Что скажешь ему?

— Правду. Что я хотела отправить тебе, — тяжело вздыхаю я.

— Отличный план, — саркастично кивает Катя, и ее лицо наконец становится серьезным. — Только есть один нюанс: он уже знает, что именно ты хотела мне отправить.

Я со стоном прячу пылающее лицо в ладонях.

— Не напоминай.

***

Звук шагов эхом разносится по спортивному залу. Идет занятие.

Когда Павел Андреевич входит в зал, я принципиально смотрю в другую сторону. Изучаю облупившуюся краску на шведской стенке так внимательно, словно от этого зависит моя оценка на экзамене.

Он проходит мимо нашей скамейки. Замедляет шаг.

— Доброе утро.

— Доброе, — буркаю я, не поднимая глаз.

Он делает еще пару шагов. Останавливается. Поворачивается ко мне.

— Как настроение, Власова? — ровно интересуется он.

— Отличное.

— Уверены?

Я не выдерживаю. Вскидываю голову и смотрю прямо на него. Сегодня на нем темно-серая футболка, плотно облегающая грудь, и все то же непроницаемое выражение лица.

— А у вас? — спрашиваю я с вызовом.

— Рабочее, — спокойно отвечает он.

И идет дальше, доставая свисток.

Я невольно провожаю взглядом его широкую спину, упрямый затылок, уверенную походку.

Катя наклоняется ко мне.

— Ты зачем на него так смотришь? — шепчет она.

— Как — так?

— Как будто опять кино в голове крутишь.

Я раздраженно отмахиваюсь рукой.

— Ничего я не кручу.

— Алин, ты его взглядом до самого конца проводила

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.